Надежда Александровна Лохвицкая (Тэффи)

Она сама признавалась немногочисленным друзьям, что всегда «терпеть не могла интимничать», ловко парируя шутками все неудачные попытки «влезть к ней в душу в калошах» - «Почему же в калошах?» - удивлялись друзья. – «Без калош не обойтись, - объясняла она. – Ведь душа-то моя насквозь промокла от невыплаканных слёз, они все в ней остаются. Снаружи у меня смех, «великая сушь»..., а внутри сплошное болото, не душа, а сплошное болото».

И это при том, что литературная судьба её была завидна! Остроумная, изящная проза, рассказы, фельетоны, пьесы публиковались в самых знаменитых журналах. Именно её имя хотел видеть император Николай II в сборнике русской прозы, посвящённом 300-летию династии Романовых. Слава её была так велика, что однажды она даже объелась ею в самом прямом смысле. Один знаменитый кондитер выпустил конфеты «Тэффи» в её честь. Килограммовая коробка была торжественно преподнесена Надежде Александровне. Обзванивая друзей, чтобы похвастаться, Надежда Александровна уплела почти все конфеты, и ей стало плохо. Так она поняла, что такое истинный вкус славы, и какие у него последствия, и с тех пор серьёзно к своей литературной славе не относилась.

Она родилась в семье, известной своими литературными традициями: прадед писал стихи, сестры Варвара и Елена – прозу, Мария (Мирра) – стихи, она даже удостоилась звания «русской Сафо», отец и мать великолепно знали литературу. Писать Надя Лохвицкая начала в детстве, но вместе с сестрой Еленой они решили, что пусть сначала старшая сестра, Мария, станет знаменитой, они ей мешать не будут, а потом, когда она прославится и умрёт (великие люди всегда умирают), они, как младшие родственники великой сестры, тут же прославятся тоже. А пока они сочиняли стихи и рассказы «про любовь», и сами любили всех мальчиков и девочек из «Детства», «Отрочества» и «Юности» Льва Николаевича Толстого, ведь мир толстовской прозы так близок их собственному миру, что казалось, будто Толстой списал семью Николеньки Иртеньева именно с их семейства.

А потом она, Надя, влюбились в князя Андрея из «Войны и мира». Она читала и перечитывала роман, каждый раз надеясь, что князь Андрей выживет, ведь она, Надя, так его любит! Не то, что эта противная Наташа Ростова с её негустой и недлинной косой и распухшими губами. Такая вовсе не должна была нравиться князю! Но чуда всё не происходило и не происходило. Князь Андрей каждый раз умирал и умирал. И это было так мучительно, что решила тринадцатилетняя девочка Надя отправится прямо ко Льву Николаевичу Толстому, чтобы попросить его переписать роман и

оставить князя Андрея в живых. Пусть даже он женится-таки на этой Наташе! Вот ведь какая жертвенность.

Для визита к писателю нужен повод. Сестра Лена сказала, что к писателю ходят для того, чтобы получить автограф на его, писателя, фотографической карточке. Карточка была куплена, повод появился – можно было отправляться. Сопровождала её к знаменитому писателю старая нянька. В доме Толстого Надю больше всего поразила обыденность: ходили, разговаривали и даже напевали какие-то люди, а ведь рядом сам Лев Толстой! Нужно едва дышать и говорить шёпотом. Наконец вышел Лев Николаевич. Он оказался меньше ростом, чем она ожидала, и всё равно Надя так растерялась, что смогла лишь пролепетать, картавя: «Вот, плосили фотоглафию подписать!» Какой позор! И это в тринадцать-то лет! Она навек погибла в глазах писателя! Всё. Нужно или идти топиться, или домой – плакать. (Интересно, Толстой-то сам хоть минуту помнил о хорошенькой черноволосой девочке, так смешно просившей автограф?) К счастью, Надя выбрала второе.

Нет, она не стала юной литературной звездой. Она вышла замуж, семейная жизнь, рождение детей – всё это отложило дебют надолго. Только в 1902 году, когда ей было уже тридцать, взошла её звезда. И не поэтическая, хотя первой её книгой был сборник стихов «Семь камней», который разругал Валерий Брюсов. Она прославилась как острая на язык юмористка Тэффи. Её остроты расходились в Петербургских салонах, её цитировали, ей подражали. Старались разгадать тайну её псевдонима. Смеясь, она объясняла, что так, мол, звали одного дурака-соседа – Стэффи (Степан). Вот она и взяла это имя в качестве псевдонима, из деликатности отбросив первую букву. Другим она говорила, что это имя одного из героев Киплинга. Так продолжалось до революции семнадцатого года, а потом – долгая жизнь в эмиграции, где она трудилась, поднимая дух своих соплеменников, помогая им не впасть в отчаяние, поддерживая и ободряя их.

Вторую мировую войну она встретила во Франции. Материальное положение её было плачевным, но она, семидесятилетняя, не позволяла себе падать духом. И до последних дней она хотела жить полной жизнью, радоваться жизни. И работать. Не то, что она обычно писала, а совсем другое, и это другое должно быть замечательным. Ей казалось, что всё, написанное ею ранее, ерунда, однодневки, что её ждёт небытие и забвение.

Надежда Александровна Лохвицкая, Тэффи, ошиблась. Вот уже 110 лет прошло со времени её литературного дебюта, а рассказы её, особенно рассказы о детях и для детей, становятся всё популярнее, они вошли в хрестоматии, они востребованы, они нужны нам, словно огни на реке памяти, которые выплывают к нам из тумана и продолжают светить нам издали.

Из стихов Тэффи, Надежды Александровны Лохвицкой.
Л.Г.

Вянут лилии бледны и немы...
Мне не страшен их мёртвый покой,
В эту ночь для меня хризантемы
Распустили цветок золотой!

Бледных лилий печальный и чистый
Не томит мою душу упрёк...
Я твой венчик люблю, мой пушистый,
Златоцветный, заветный цветок!

Дай вдохнуть аромат твой глубоко,
Затумань сладострастной мечтой!
Радость знойная! Солнце востока!
Хризантемы цветок золотой!

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь